

Н. Н. Евреинов

Четвертая стена

Буффонада в 2-х частях

Русская театральная пародия XIX - начала XX века
М., "Искусство", 1976

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фауст.

Маргарита.

Мефистофель.

Марта.

Директор театра, он же главный режиссер.

Метельщик улиц.

Режиссер.

Помощник режиссера.

Бутафор.

Суфлер.

Сторож при театре.

Уличный мальчишка.

Народ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Уголок кабинета Фауста в ультранатуралистической постановке. Не забыта ни одна деталь! и все настоящее. Направо окно; перед ним рабочий стол Фауста. Налево средневековая постель, на которой под средневековым одеялом спит в средневековом ночном колпаке артист, играющий роль Фауста. Около постели средневековый умывальник. Под постелью средневековый "сосуд". При поднятии занавеса на сцене темно. В "оркестре" собираются музыканты и лениво настраивают инструменты.

Помощник режиссера (старая, ворчливая театральная крыса,-- вбегает впопыхах на сцену, смотрит на часы и кричит в будку электротехника). Дайте свет!.. Да где вы, черт вас побери?!. Одиннадцать часов, а он и в ус не дует!.. (К Фаусту.) Иван Потапыч! (Будит Фауста.) Иван Потапыч!.. Одиннадцать часов!.. Сам приехал! Шубу снимает! Оркестр уж на местах!.. Суфлер уж в будке!
Фауст. Гм-гм?.. Что?.. Который час? (Потягивается.)

За окном разгорается прожектор "дневного света", а затем и рампа.

Помощник режиссера. Уже четверть часа, как одиннадцать пробило! (Электротехнику.) Опять у вас прожектор мигает. Сколько раз вам делать замечания?! Где вы видели, чтоб дневной свет мигал таким образом?! Отвечайте!..

Сторож (приносит Фаусту стакан чаю с булкой и "Петроградскую газету". Обращаясь к помощнику режиссера). Вас Пал Палыч зовут.

Помощник режиссера (Фаусту). Иван Потапыч! Подведете вы меня! как пить дать, подведете! Весь оркестр в сборе! (Тормошит Фауста.) Да проснитесь же, Христа ради! За ноги вас тащить? так, что ли, прикажете?.. Тьфу пропасть! Собачья служба (Убегает направо.)

Сторож (Фаусту). Чай остынет!

В оркестре звонкий удар в барабан и хохот.

Фауст (вздрагивает и спускает ноги с кровати). Подлецы!.. (Надевает средневековый халат и такие же туфли, откусывает кусок булки и чуть не залпом выпивает чай.) Умыться!..

Сторож. Пожалуйте-с. (Кладет газету на постель и берется за кувшин с водою.)

Фауст. Ей-богу, уеду опять в провинцию.... Не служба, а каторга, издевательство, живодерство!.. (Умывается, пользуясь услугами сторожа.) Я человек немолодой... Я так не могу... Мало ли что натурализм и всякая там "правда"!.. Здесь от одних крыс не заснешь раньше трех... (Полосщет горло и пробует голос.) Тоже невидаль, подумаешь... Да меня в провинции на руках носили!.. (Вытирается средневековым полотенцем...)

За сценой слышны удары в ладоши и окрик режиссера: "На места, господа хористы! вниманье!.. займите ваши места!.." Слышен гул сотни голосов {Эффект, достигаемый при помощи нижних нот органа.} и топот ног. За капельмейстерским пультом появляется дирижер оркестра. Фауст надевает привязную бороду, поправляет перед зеркалом ночной колпак и жадно просматривает газету. Сторож уносит ведро с помоями и стакан из-под чаю.

Режиссер (бритый, в очках, с большой шевелюрой; вид корректного молодого ученого; в руках партитура "Фауста" и записная книжка; входит слева со словами). Начинаем, господа, начинаем! (Заметив "Петроградскую газету" у Фауста.) Иван Потапыч!.. Ну что это в самом деле! (Отнимает у него газету.) Как маленький!..

Фауст (сконфуженный). Здравствуйте!..

Режиссер (здороваясь). Ну как не стыдно!... Неужели вам все время нужна гувернантка?!

Фауст. Я хотел только узнать, нет ли рецензии о... (Откусывает кусок булки.)

Режиссер. Фауст и вдруг с газетой XX века в руках. Ну с чем это сообразно!..

Фауст. Да я только...

Режиссер. Стыдитесь, мой друг! Ведь если дирекция предоставляет вам после спектакля сцену, то ведь это для того, чтобы вы вживались в роль, переживали ее!

Фауст (пережевывая булку). Вы напрасно думаете, -- я переживаю, я всю ночь переживаю Фауста, все утро переживаю.

Режиссер. Это с "Петроградской-то газетой" в руках!.. Кусок булки пережевать с нею можно, а Фауста -- извините-с, это вам не булка!-- это XVI век, батенька! Ведь если вы не сольетесь с ролью Фауста, не вживетесь в нее, как в свою собственную, прирожденную роль, прямо говорю вам, -- не ждите успеха и уж не пеняйте, если вашу роль передадут другому! Мы здесь не для того, чтоб, извините, ломать комедию!.. Наше дело слишком серьезно! Это не балаган!

Фауст. Да что я сделал такого?

Режиссер. И вы еще спрашиваете? Вам, стало быть, не ясно, зачем мы ставим на ночь всю эту сложную декорацию кабинета Фауста, зачем мы заставляем ночевать вас в этой декорации, носить все время костюм Фауста, его грим, словом, даем вам возможность дышать всеми легкими в атмосфере средневековой схоластики?!.. Вам, стало быть, непонятно, что цель всей нашей постановки -- дать настоящего, понимаете ли вы, на-сто-я-ще-го Фауста, от головы до пят!

Фауст. Я и даю, насколько могу.

Режиссер (*развертывая старинную рукопись на столе*). Так и есть! -- алхимический трактат о гомункулах вами даже не развернут!..

Фауст. Я сегодня проспал немного... Поздно заснул... Здесь столько крыс бегают...

Режиссер (*горько-насмешливо*). Ах, теперь крысы виноваты!..

Фауст. И вообще, Карл Антоныч, алхимия, химия, космография -- это не по моей части!.. Каюсь, -- провалился на этом в гимназии, отчего и пошел на сцену... И стар я к тому же!..

Бутафор, еще старше годами, чем Фауст, принес в это время чашу и поставил на стол.

Режиссер (*бутафору*). Настоящий яд?

Бутафор. Стрихнин пополам с синильной кислотой.

Режиссер. Хорошо.

Бутафор уходит.

(*К Фаусту.*) Вы видите, до каких деталей мы доходим, чтоб дать артисту нужное настроение! (*Нюхает содержимое чаши.*) Настоящий яд!.. -- глоток, и вас уж нет в живых.

Фауст (*берет дрожащей рукой чашу с ядом и напевает*). "А ты, о чаша предков! ты полна бывала! зачем, о зачем ты дрожишь? зачем ты дрожишь так в руке?.." (*Боязливо отстраняет чашу.*) Задрожишь, черт побори!.. Это в самом деле настоящий яд?

Режиссер (*гордо*). Мы фальсификацией не занимаемся.

Директор, он же главный режиссер (*молодой, с окладистой бородой, высокий, важный, хоть и старающийся казаться простым, входит в сопровождении помощника режиссера и здоровается с дирижером оркестра*). Здравствуйте, маэстро! (*К музыкантам, вставшим при его появлении.*) Здравствуйте, господа!..

Сторож, вошедший вслед за директором, ставит два стула на правой стороне сцены, около рампы, и уходит.

(Усердно принохивается, потом улыбается.) Пахнет жилым... Хорошо...
Чувствуется настоящее... Не декорация, а жилое помещение!.. Это и требуется...
Только жаль, что мало химического запаха!.. Как никак, а лаборатория алхимика!..

Режиссер *(помощнику)*. Больше запаха химического!

Помощник режиссера. Слушаю-с. *(Записывает в книжечку.)* Прибавить
химической обструкции...

Директор *(Фаусту)*. Ну, как? вживаетесь?.. *(Поправляет ему бороду.)* Легко
переживать здесь Фауста?

Фауст. Стараюсь... *(Убирает на столе остатки булки.)*

Директор. Я сегодня сообщу кое-что новое... По части реальности... Вчера еще
осенило... Приберег на сегодня... Ну-с, начнемте!.. *(Хлопает в ладоши.)*

Прибегает режиссер.

Возьмите allegretto хора, la-majeur, страница девятая!.. *(К дирижеру.)*
Вступительный такт, maestro!

Оркестр играет требуемое.

Хор
(за сценой)

"А!..
Что ты спишь, девица,
День уже встает,
И скоро уж солнце
На небе взойдет.
Уж птичка так звонко
Про утро поет,
Уж яркой каймою
Весь небосвод горит,
Почки растворяют
Цветики свои,
Весь мир проснулся снова
Для счастья и любви..."

Фауст
*(сопровождавший слова хора детально разработанной драматической игрою,
подбегает к окну с невероятным трагизмом)*

"Отзыв радостный, ты так безумен!
Замолкни ты!
Прочь от меня, о жизнь! о жизнь!"

Директор *(усевшись с режиссером направо)*. Пойте спиною. Спиною!..
Забудьте о публике!..

Фауст

(берет чашу и поворачивается совсем спиной к публике)

"А ты, о чаша предков!
Ты полна бывала!
Зачем, о зачем ты дрожишь?..
Зачем ты дрожишь так в руке?.."

Директор *(режиссеру)*. Вот, что реально, то реально!..

Режиссер *(польщенный)*. Стрихнин пополам с синильной кислотой.

Директор *(качая одобрительно головой)*. Это и чувствуется.

Хор

(за сценой)

Поля к себе красою манят,
На них раскинуты повсюду
Разнообразные узоры
Душистых, чудных цветов.
Все так полно красоты волшебной,
Все манит, нежит наши взоры,
Все так полно..."

Директор *(хлопая в ладоши)*. Виноват!.. Чшшш..

Все смолкают.

(Подходит к окну.) Господа хористы!... Ради бога, забудьте, что это опера!..
Пойте, как поют в жизни!.. Ведь это же хор немецких буршей, поселян, мужиков!..
Бросьте эту итальянщину! -- она здесь ни к чему! Дайте больше вульгарности,
простоты, естественности!.. Слыхали, как бурлаки поют на Волге?.. Ну вот!.. Это те
же бурлаки, только немецкие. *(Хлопая в ладоши и направляясь к своему месту.)*
Сначала!

Хор повторяет.

(Останавливая хор и оркестр.) Так значительно лучше. Но это еще далеко-о от
идеала. *(Режиссеру.)* Назначьте специальные репетиции! Объясните еще раз хору,
что такое правда в искусстве!

Режиссер. Слушаю-с. *(Записывает.)*

Директор *(дирижеру и Фаусту)*. Allegro-agitato, пожалуйста! "Что мне бог"!..

Оркестр дает требуемое вступление.

Фауст

(поет, улегшись в изнеможении на постель)

"Что мне бог!
Он не возвратит ни веры, ни любви!..
Он юности мне не даст."

Спускает ноги на пол и поет, сидя на постели, надсаживаясь, со всем реализмом желчного, разозлившегося старикашки, причем директор, дирижер и режиссер жестами, притоптыванием и другим возможным способом стараются извлечь из Фауста максимальность натурального раздражения.

"Вас я проклиная, радости земные.
И проклиная цепи я земной тюрьмы моей!
Проклинаю состав телесный, и больной, и несовершенный.
Я проклиная сны любви!
Что мне слава и жизнь?
Что мне счастье, надежда?
Проклинаю я их!
Мое терпенье истощилось...
О дьявол!.. ко мне!.."

Из люка появляется Мефистофель, одетый по новейшим данным исторических исследований.

Мефистофель
(поет)

"Вот и я!
Чему ж удивляться?..
Услышал я сейчас же зов твой.
Со шпагою я!..
На шляпе перо!..
На мне плащ богатый!..
И денег со мною так много.
Не правда ль, я весь хоть куда!.."

Директор (хлопая в ладоши). Виноват!..

Все останавливаются.

Здравствуйте, Семен Андреевич! (Здоровается с Мефистофелем.) Мы с вами еще не виделись. Не сердитесь, голубчик, но я вас должен лишить этой партии.

Мефистофель. Как так?! За что?!!

Директор. Не волнуйтесь, милейший! Дело вовсе не в том, как вы исполняете эту партию, а в том, что...

Мефистофель. В чем же?.. в чем вы меня можете упрекнуть?..

Директор. Дело совсем не в вас. Дело гораздо серьезнее. Мефистофель, как я вчера прочитал у Эккермана*, -- это только одна из сторон самого Фауста. Понимаете?

Мефистофель. Как так?..

Директор. А так, что Мефистофель у Гёте это тот же Фауст*, но Фауст отрицательный, компромиссный, земной в низшем значении этого слова. Мефистофель в трагедии Фауста это то же, что черт в трагедии Ивана Карамазова!*

Мефистофель (*шатаясь*). Неужели же вы...

Директор. Дорогой мой! правда прежде всего!.. Если Московский Художественный театр не постеснялся выкинуть черта как отдельно действующее лицо, то нам, представителям реалистической оперы, и подавно это следует сделать.

Мефистофель. Вы шутите!

Директор. Нисколько. В "Карамазовых" Качалов совмещал в своем лице и черта и Ивана Федоровича*, а в нашем "Фаусте" Иван Потапыч (*показывает на Фауста*) совместит в своем лице и Мефистофеля и Фауста!..

Фауст. На... на... на... на?

Директор. Что на-на-на-на?

Фауст. Партия слишком низка!.. Мефистофель бас, а... а... я тенор.

Директор. Глупости! -- пойте на октаву выше, и дело с концом. Я все обдумал!

Режиссер. Мне самому это приходило в голову. В самом деле, что это такое!.. Реалистическое произведение, живые лица, жизненные образы, и вдруг пожалуйста -- фантастический элемент!.. сказочная харя!.. черт!.. бука, чтоб детей пугать!..

Мефистофель (*в испуге*). Я... Я... Я не нахожу слов... я... должен объясниться...

Директор (*сладко-спокойно*). Ради бога, Семен Андреевич, если вы чем-нибудь недовольны, отложите объяснения до другого времени! Ваш покорный слуга после репетиции! А сейчас мы, батенька, репетируем! Будьте же тактичны! Вы же артист и должны понимать, как дорог каждый час творческой работы.

Мефистофель, шатаясь, с перекошенным лицом направился за кулисы.

(*К Фаусту и дирижеру.*) Возьмите, господа, еще раз с выхода Мефистофеля.

Мефистофель (*оборачиваясь*). Что?..

Директор. Нет-нет!.. Мы обойдемся без вас!

Мефистофель уходит.

Иван Потапыч! Прошу!

Фауст. Я же... я не учил партии Мефистофеля!

Директор. Неужели после 138-ми совместных репетиций * у вас эта партия не в ушах?...

Фауст. А какая же игра в это время?

Директор. Такая же, как прежде. Делайте вид, будто слушаете кого-то другого! Представьте себе, что Мефистофель это ваш внутренний голос!.. -- голос с другой стороны!

Фауст. И самому же петь за этот голос?

Директор. Ну разумеется!.. но с другой стороны! (*Хлопая в ладоши. Дирижеру.*)
Moderato! Выход Мефистофеля!

Фауст

(*поет за Мефистофеля, играет за себя*)

"Вот и я!
Чему ж удивляться!
Чему ж удивляться!
Услышал я сейчас же зов твой!
Со шпагою я!"

Директор (*поясняя окружающим*). Это символ!

Фауст

"На шляпе перо".

Директор (*так же*). Тоже символ.

Фауст

"На мне плащ богатый.
И денег со мною так много!
Не правда ль, я весь хоть куда!.."

Директор. Великолепно!... Отныне проблема представленья Мефистофеля на сцене должна считаться разрешенной!.. Без всяких этих противоестественных явлений из-под пола, огненного освещения и прочей балаганщины, недостойной серьезного театра, верного лозунгу "все как в жизни"*. (*Жмет руку Фаусту.*) Вы согласны, что так лучше, умнее, благороднее?

Фауст (*растаяв от похвалы*). Да, конечно, так оригинальнее, много оригинальнее... хотя я, право...

Директор. Вздор, вздор! не скромничайте!.. Конечно, вы пока не твердо знаете, но не в этом сила! (*Дирижеру.*) Прикажете транспонировать партию Мефистофеля для Фауста!.. (*Режиссеру.*) Назначьте специальные репетиции этой сцены! (*Дирижеру.*) А теперь перейдем прямо к "видению Маргариты".

Оркестр играет требуемое. Налево сквозь стену просвечивается образ Маргариты за прялкой.

Фауст

(*за Мефистофеля, напускным грубым волосом*)

Ну что? Как находишь? (*За себя, тенористо-сладко.*) Я твой!..

Директор (*хлопая в ладоши*). Bravo!...

Оркестр замолкает.

Сразу чувствуется, что поют двое. (*К окружающим.*) Правда?.. иллюзия полная! и правдоподобие налицо. Как это я раньше не догадался, -- ума не приложу. Но вот в чем дело! При таком правдоподобии выходит совершенно сказочным, то есть неестественным, виденье Маргариты! Правда, наука знает состояние галлюцинации, но вряд ли можно допустить ее у доктора Фауста, этого трезвого ума, дисциплинированного в Горниле позитивизма, да еще не ночью, а в ранний утренний час!.. Как вы на это смотрите, господа?.. Мне кажется, что при таком толковании, если уже непременно надо допустить "видение Маргариты", то... самое подходящее для нее место в окне,

Маргарита. Как "в окне"?

Директор. А так, что Фауст видит Маргариту в окне.

Маргарита. Да ведь эта сцена называется "сцена с прялкой".

Директор. Ну так что ж! Пусть Маргарита и проходит мимо окна с прялкой! -- будто только что на базаре купила, несет домой и приостановилась полюбоваться обновкой как раз перед домом, где живет Фауст.

Режиссер. Совершенно верно. Можно даже Марту с нею выпустить для хозяйственного оттенка всей сцены.

Директор. И Марту можно выпустить. Еще естественнее!

Режиссер. Я позову ее! (*Убегает направо.*)

Директор (*к Маргарите*). Пожалуйте сюда, Алиса Петровна! На минуточку!

Маргарита покидает свое место.

(*Фаусту и помощнику режиссера.*) Только что сейчас увидел всю несообразность ее костюма!.. Маскарад какой-то! (*К Маргарите, вышедшей на авансцену в своем традиционном красивом костюме.*) Алиса Петровна, это диссонанс!..

Маргарита. Что диссонанс?!

Директор. Ваш костюм. Вразрез со всей постановкой.

Маргарита. По эскизу художника... Вами же одобрен...

Директор. Знаю. (*Оглядывает ее.*) Ничего не вышло... Надо другой. И потом вы вообще слишком изящны! Неубедительны! Маргарита мещанка! Более того -- деревенщина! Сестра солдата. Живет у сводни!.. в грубую эпоху ландскнехтов. Грим и прочее должны быть совершенно другие. Надо дать почувствовать публике, что такая Гретхен селедку с хвостом уплетает, что у нее мозолистые от пряжи руки, что она полунищая, зарабатывает черной работой кусок хлеба, утром босиком на рынок бегают. Иначе кто же поверит в вашу Маргариту!

Марта (*высовываясь из окна*). Я нужна?

Директор. Да-да! (*Маргарите.*) Пожалуйте под окно!

Маргарита уходит за сцену и становится перед окном рядом с Мартой.

Режиссер (*группирует обеих в позах рассматриванья прялки и возвращается на сцену. Дирижеру*). Дайте с того места, где мы остановились!

Оркестр продолжает.

Фауст

(за Мефистофеля, передавая сам себе из левой руки в правую чашу с ядом)

"Чашу возьми ты!
Теперь не смерть, но яд в ней,
А радости жизни, лишь выпей из нее!
Там смерти нет! там яда нет!
Юность там и любовь!"

(Говорит.) Как же я буду пить, если там настоящий яд?
Директор. Делайте вид, что пьете!..

Фауст

(за себя, робко)

"Я пью!.. Я пью!"

(С опасением "делает вид", что пьет.)

Режиссер бежит за кулисы и делает знак Маргарите с Мартой, чтобы они проходили. Те медленно проходят, обнявшись, налево.

"Я пью!
Я пью за тебя, образ милый!"
(Голосом Мефистофеля.)
Ну!
(Своим голосом.)
Увижу ль ее?
(Голосом Мефистофеля.)
Увидишь!
(Своим голосом.)
Скоро ль?
(Голосом Мефистофеля.)
Хоть сегодня!
(Своим голосом.)
О радость!
(Голосом Мефистофеля.)
Идем же.
(Своим голосом.)
Идем!..
(Говорит.)
А как же дальше?

Директор. Что?

Фауст. Там дальше дуэт с Мефистофелем.

Директор. Пойте за Фауста! *(Дирижеру.)* Передайте голос Мефистофеля виолончели! Переоркеструйте!

Дирижер кланяется в знак согласия и, не прерывая оркестр, продолжает далее.

Фауст

"Хочу я любви, хочу наслаждений,
Что в ласках, объятьях одних лишь горят,
Хочу, как в былые дни любви и страсти,
Упиться восторгом объятий младых.
О ты, воротись, моей жизни юность!
Отдай мне назад ты восторги мои!"

Директор (*во время пения понукает в один голос с режиссером*). Спиной!
Больше спиной! Забудьте о публике!.. Естественней!.. Еще естественней!.. (*После слов "восторги мои" директор хлопает в ладоши, останавливая оркестр и певца. К режиссеру.*) Это все-таки стихи.

Режиссер. Что?

Директор. Стихи, говорю я.

Режиссер. Мы переделали, как могли.

Директор. И все-таки стихи чувствуются, рифмы, размер; одним словом, стихи!
Вы слышали когда-нибудь, чтобы в жизни говорили стихами?

Режиссер. Господи, вы мне объясняете, как маленькому, -- словно я сам не знаю.

Директор. Так надо же добиться, чтоб это была проза. Ведь это *ж* не "Вампука" в самом деле, а реалистическая опера! При чем тут стихи, я вас спрашиваю! Ведь если мы не в силах добиться таких пустяков, как разговорная речь, -- кто же поверит, что это жизнь, а не представление!

Режиссер (*записывая*). Хорошо. Я еще раз переделаю.

Директор (*дирижеру*). Дальше!

Фауст. Виноват. Я хотел спросить, а как же быть с моим превращением Фауста в молодого? Вы обещались это выяснить на днях, а между тем...

Директор (*перебивая*). Превращение?.. Какое превращение?

Фауст. А в молодого! Ведь Фауст, по пьесе, выпив чашу, становится молодым!

Директор (*хохочет*). Ха-ха-ха!.. Боже мой, Иван Потапыч, когда ж вы отрешитесь от вашего детского толкования Фауста!.. Неужели вам не надоели эти оперные чудеса в решетке!.. Будьте же серьезней!.. Взгляните наконец на Фауста не как комедиант, а как психолог! Поймите наконец, что Фауст молодеет *душой!* понимаете ли вы -- душой, а не телом. Ну на что б это было похоже, если б мы в реализм нашей постановки трезво понимаемого "Фауста" ввели такие детские фокусы, как моментальное превращение седого старика в черноволосого юношу!.. Неужели, по-вашему, вторая молодость Фауста так-таки и не могла обойтись без этого маскарада с голубым трико, шляпы со страусовым пером и прочей дребедени!

Фауст. Что же, так и оставаться в ночном колпаке?

Директор. Я полагаю, что ночной колпак все-таки достойнее доктора Фауста, чем дурацкий!

Режиссер (*Фаусту, дружественно взяв его за борт халата*). Станный вы человек, Иван Потапыч! Неужели для вас тайна, что, приглашая вас на роль Фауста, мы имели в виду не столько ваш голос, сколько ваши года?

Фауст. Мои года?

Режиссер. Ну разумеется!.. Фауст пожилой человек, и, следовательно, лучше всего его изобразит на сцене такой же пожилой, как он.

Фауст. Но я... я еще вовсе не стар!..

Режиссер. Вы в самый раз. И голос у вас подходящий -- сипленький, надтреснутый...

Фауст. Я сегодня немного простужен.

Режиссер. Ради бога, не лечитесь, а то вы погубите всю нашу постановку: вы должны быть именно тем, что вы есть, в продолжение всей оперы!.. Более того, я бы лично желал, в интересах реализма, чтобы вы еще больше хрипели, сипели, поперхивались, кашляли, сморкались -- словом, выявляли старость Фауста еще натуральнее.

Директор (*Фаусту, свысока, поддерживая мнение режиссера*). Ведь если старик на сцене не будет стариком со всеми слабостями, свойственными старику, то что ж это за реализм игры, я вас спрашиваю!

Режиссер. Я даже проектирую в интересах реализма пустить в публику эдакий старческий душок!.. Да-да! напульверизировать зрительный зал каким-нибудь составом, передающим запах ветхости, нюхательного табаку, нафталина и еще кой-чего!.. Чтоб публика реально чувствовала близость Фауста!.. Ведь старички всегда попахивают!..

Помощник режиссера (*обидевшись за свой почтенный возраст*). То есть как это -- попахивают?

Режиссер. Ради бога, я не имел вас в виду!

Помощник режиссера. Нет, я вас просил бы объясниться!

Директор. Бросьте, господа, мы это потом выясним! Сейчас не время пререканиям. (*Дирижеру и Фаусту.*) Повторим еще раз дуэт Фауста с Мефистофелем! "Хочу я любви". (*Фаусту.*) Пожалуйста! В новом толковании!

Фауст. То есть с хрипом?

Директор. Вот-вот!

Фауст. Да я себе весь голос испорчу.

Директор. Будьте любезны слушаться указаний режиссера!

Фауст. Режиссер мне не вернет голоса!

Директор. Вы отказываетесь?.. Прекрасно. В таком случае не претендуйте на штраф в размере месячного жалованья!..

Фауст. За что же?

Директор. За отказ от выполнения режиссерских указаний! § 171 контракта.

Фауст. Но я обязался петь, а не хрипеть!

Директор. Вы обязались играть. Угодно вам играть роль Фауста или угодно заплатить неустойку в размере двух тысяч рублей? -- § 183 контракта!

Фауст. А если у меня не выйдет, как надо?..

Директор. Ну что ж, мы будем репетировать до тех пор, пока выйдет!

Фауст (*подумав*). Нет, уж я лучше сразу попробую!.. Мне голос дороже.

Директор. Давно бы так! (*Хлопает дирижеру в ладоши.*)

Оркестр дает вступление.

Фауст

(поет старческим голосом)

"Хочу я любви, хочу наслаждений,

Что в ласках, объятьях" и т. д.

Во время его исполнения, директор и режиссер руководят им вдохновенными фразами: "Кашляйте", "Сморкайтесь", "Шамкайте", "Поперхивайтесь", "Хорошо!", "Отхаркайтесь", "Так! так!" и пр. Ария останавливается из-за того, что Фауст и в самом деле закашливается, подавившись слюной.

Фауст. Ой!.. Дайте воды!..

Помощник режиссера впопыхах сует ему чашу с ядом.

(Фауст в сердцах его отталкивает наотмашь.) А ну вас к черту!

Режиссер *(успокаивая)*. Это с непривычки! это сейчас пройдет... Проходит?.. вот видите! Это пустяки!..

Фауст *(отдуваясь)*. Этак задохнуться одна минута.

Директор. Зато реализм полнейший! Такого "старика" даете, что просто загляденье!

Режиссер. Только не делайте этого жеста! *(Показывает.)* Это "Вампука". Ради бога, не "вампукайте" -- тогда иллюзия будет полная.

Помощник режиссера *(подходя, с напускной опаской, к директору и режиссеру)*. А что, господа, можно мне дать совет реализма?

Директор *(важно)*. Все дельные советы будут приняты с благодарностью.

Режиссер *(так же важно)*. Говорите! Мы слушаем!

Директор. Не смущайтесь!

Помощник режиссера *(мнетя)*. Я, конечно, человек простой, высшей режиссерской науки не знаю, а только сдается мне...

Директор. Что?

Помощник режиссера. Вы только не сердитесь, пожалуйста!.. Я ведь от доброго сердца... и по крайнему, так сказать, разумению...

Директор. Ближе к делу!

Помощник режиссера. Сдается мне, что если полного реализма добиваться в опере, так уж тут надобны не полумеры, а...

Режиссер. Договаривайте.

Помощник режиссера. Слыхали ль вы когда-нибудь, чтоб в жизни человек вместо разговора, извините, пел бы!..

Режиссер *(опешив; после паузы)*. Да, но это опера!

Директор *(режиссеру)*. Не опера, а музыкальная драма, если вы хотите быть точным! Это во-первых; а во-вторых... гм... знаете ли, мне это самому приходило в голову!

Режиссер. Да, но как же быть?

Помощник режиссера. А разговор под музыку!

Режиссер. Как "разговор"?

Помощник режиссера. А вот как в жизни. И публике попятно, и естественно!

Директор *(что-то соображая)*. Я понимаю, я понимаю, что вы хотите сказать...

Помощник режиссера. И уж позвольте все говорить...

Директор. Все, все! -- у вас светлая голова!..

Помощник режиссера *(в сторону режиссера)*. Уж не знаю, светлая ли, а только покамест еще не папахиваю!..

Директор. Бросьте!.. Охота вам принимать на свой счет! Что вы еще хотели предложить?

Помощник режиссера. И уж если вместо пения разговаривать, то разговаривать по-немецки, а не по-русски.

Директор. Как так?!

Помощник режиссера. Да ведь дело происходит в Германии, и Фауст не кто иной, как немец!

Директор (*после паузы радостного изумления*). Черт возьми! да вы Колумб, прямо Колумб!.. И как это мне раньше не пришло в голову! (*К режиссеру.*) Что вы на это скажете?

Режиссер. Спорить против того, что Фауст немец, разумеется, нельзя, но... но в таком случае, уж если быть последовательным, я хочу сказать, если стоять всецело на исторической почве,-- наш Фауст должен говорить на древнегерманском наречии.

Директор. Ну что ж! Мы переведем "Фауста" на древнегерманский язык!..
Натурализм так натурализм.

Фауст (*робко*). Я должен предупредить дирекцию, что не владею не только древнегерманский языком, по и вообще по-немецки ни в зуб толкнуть.

Директор (*глубокомысленно-серьезно*). Да, это существенное затруднение... Придется отложить постановку еще на два года, пока вы не овладеете немецким языком, как родным, поживете в Германии...

Помощник режиссера. Позвольте, господа, вас вывести из затруднения!..

Директор. Прошу!

Помощник режиссера. Незачем Ивану Потапычу ехать в Германию, потому что с точки зрения натурализма ему во всей опере придется спеть, виноват, сказать лишь несколько слов.

Директор. Режиссер. Фауст. Как так?!

Помощник режиссера. А так, что в роли Фауста все больше монологи да беседы с Мефистофелем. Ну а кто же сам с собою разговаривает? -- только сумасшедшие. Маргарита в конце оперы,-- той это пристало: сошла с ума девушка, ну и разговаривай с собой сколько хочешь! А Фауст,-- где же у автора сказано, чтобы он рехнулся!..

Директор. Черт возьми!.. ведь это сушая правда. (*Режиссеру.*) Что вы на это скажете?

Режиссер (*сконфуженный*). Что в жизни разговаривают с собой только сумасшедшие, а что Фауст *не* сумасшедший -- это я и раньше знал.

Директор (*режиссеру*). Так что же вы молчали столько времени!.. 138 репетиций прошло, а вы ни звука!..

Фауст. Простите, я что-то плохо стал соображать... голова разболелась... Стало быть, не возьму в толк, мне в первом акте, например, ни петь, ни разговаривать не придется?..

Директор. Вы же слышали, к какому мы пришли решению!

Фауст (*держась за лоб*). Стало быть, я сейчас не нужен?..

Директор. Как не нужны?!.. А переживанья! мимика! игра! Фауст на сцене весь акт! Кто ж за вас играть-то будет?

Фауст. Это пантомиму-то? Истуканом стоять бессловесным?..

Директор (*строго*). Иван Потапыч, вспомните § 14-ый вашего контракта!..

Фауст (*испуганно*). Что ж я сказал такого!.. Мне только непонятно, что я должен делать на сцене!

Директор (*доктринально*). Переживать под музыку. (*Дирижеру.*) Дайте первый акт сначала! Тут же и прорепетируем, не теряя времени!

Оркестр играет.

Помощник режиссера (*директору*). Виноват! Еще одно слово!

Директор (*дирижеру*). Минуточку!.. Чшш...

Помощник режиссера. По-моему, уж коли добиваться в опере полной жизненности, я хочу сказать -- естественности, так уж музыку придется ограничить!..

Директор (*огорошенный*). Как так? Вы шутите!..

Помощник режиссера. Нисколько. Помилуйте-с! Человек травиться хочет, человеку жизнь надоела, а тут не угодно ли -- музыка играет! С чем же это сообразно! Где же тут натурализм?!

Режиссер. Да, но это опера!

Директор (*поправляя*). Музыкальная драма.

Режиссер. Вот именно, *музыкальная!* А вы хотите обойтись совсем без музыки.

Помощник режиссера (*снисходя*). Совсем?.. Нет, зачем же! Где-нибудь за кулисами -- время по пьесе ведь ярмарочное -- играет себе оркестрик, хор песенки поет, отчего же-с! Это никому не мешает! Можно взять мотивы из того же "Фауста". Но чтобы вышло естественно-с, как в жизни, а не так, что пришел оркестр и давай перед сценой симфонию разыгрывать! А тут человек с жизнью счеты кончает!

Директор (*нервно похаживая*). Это совершенно верно... Совершенно верно... Правда, смело!.. очень смело! Я даже боюсь, что нас за это того-с... слегка высмеют в газетах, карикатуры начнутся,-- мол, опера без музыки, "Кривое Зеркало" подхватит и т. д., но... принцип правды в искусстве выше всего! А "волков бояться -- в лес не ходить". (*Останавливается перед дирижером. Нервно.*) Маэстро!.. Вы пока свободны!.. и оркестр тоже!.. Нам тут надо обсудить кое-что... я боюсь, что затянется... и... словом, пока до свиданья. Не сердитесь!.. Завтра я вам дам все инструкции.

Дирижер и оркестр покидают свои места.

Бутафор (*появляясь на сцене. К директору*). Я вам больше не понадобится? Кажись, по бутафорской части все в исправности, так что... Время обеденное...

Директор. Подождите, голубчик.

Бутафор остается на сцене до конца действия.

Иван Потапыч, попробуем прорепетировать ваш дуэт с Мефистофелем в новой трактовке!

Фауст (*обалдевший*). То есть это сам с собой?.. без оркестра? без пения? без слов? одной голой мимикой?

Директор. Вот именно.

Фауст (*держась за лоб*). Уж не знаю, смогу ли!..-- голова что-то кружится...

Директор. Ну, не капризничайте!.. Возьмите себя в руки!..

Фауст становится в позу.

Суфлер (*старенький, плешивенький, в очках; высовывается из будки*). Может быть, отпустите закусить пока что... Коли без слов сейчас, так...

Директор (*перебивая*). Подсказывайте движения!.. Напоминайте ход мимики!..

Суфлер, крихтя, снова прячется в будку.

(*К Фаусту, выжидающему в позе.*) Только, ради бога, поменьше лицом к публике!.. Не забывайте, что здесь предполагается (*показывает на линию, параллельную рампе*) четвертая стена.

Помощник режиссера (*окончательно осмелевший*). А отчего бы, извините, не дать нам этой самой четвертой стены для правдоподобия?

Директор. То есть как это?

Помощник режиссера. А так,-- поставить настоящую четвертую стену, и кончен бал.

Режиссер. Да ведь мы закроем тогда и певца и декорации!

Помощник режиссера. Как угодно. Мое дело только обратить внимание, что в жизни не бывает таких комнат, чтоб без четвертой стены обходились!.. Коли кабинет Фауста, так уж должен быть по всем правилам! А то нанося! -- человек уединился от людей, отравиться хочет в одиночестве, а тут вся публика присутствует, смотрит, критику пушает -- вообще посторонние. А почему здесь посторонние? Потому, что четвертой стены не воздвигнуто -- нечем от чужих взоров прикрыться! -- приходится при всем честном народе "комедию ломать". Балаган и получается.

Директор (*нервно шагая по сцене*). Господи, час от часу не легче!..

Помощник режиссера. Вы уж меня простите, что я вам правду-матку режу!

Директор. Черт знает! и почему мне это раньше в голову не приходило, ума не приложу!

Режиссер. Нет, а предо мной эта идея мелькала!..

Директор. Так что же вы молчали столько времени!

Режиссер (*полуистерически*). Де ведь вы сами во все вмешиваетесь! Сами руки мне связываете! Чуть что, обвиняете в желании оригинальничать, в желании вам прекословить! Сами желаете лавры пожинать!.. Оттого и молчу, как рыба...

Директор (*машет на него рукой, раздувает ноздри и обращается к помощнику режиссера с повелительно-просительным жестом*). Ставьте четвертую стену! (*К бутафору.*) Ставьте четвертую стену!

Фауст. Так на кой же черт я здесь жил, переживал, ночевал даже на сцене вместе с крысами?! Для того чтоб в конце концов меня закрыли от публики?!

Режиссер (*важно*). Никакая стена, дорогой мой, не скроет от публики искренних переживаний. Вы только старайтесь переживать, а уж об остальном предоставьте нам позаботиться.

Помощник режиссера (*утешая Фауста*). Во-первых, извините, ваше взволнованное сморканье, покашливание и прочее-с, все это даже отлично будет слышно из окна, потому что (*оборачиваясь к директору*) окно-то в кабинете Фауста можно устроить, чтобы публика через него видела...

Директор (*обрадованный*). Разумеется... Вот здесь окно будет. (*Показывает на воображаемую стену у авансцены*). А здесь...

Фауст (*перебивая*). Ах, так окно будет?..

Помощник режиссера. Ну конечно!

Фауст. И мне можно будет в нем показываться?

Помощник режиссера. Сколько угодно!

Фауст (*что-то мучительно соображая*). Ага... понимаю... Здесь окно... я здесь... там публика... (Хватается за лоб.) Ох, голова кружится... (*Директору.*) Отпустите, ради бога... Я больше ничего не понимаю.

Директор. Ступайте, ступайте!.. (*Прощаясь с Фаустом.*) Я сегодняшним днем так доволен, как никогда. Важнейшие проблемы театра отныне мы можем считать разрешенными!

Фауст уходит.

Четвертая стена!.. Ведь это же яйцо Колумба!.. Как просто, как остроумно и как естественно в то же время. (*Мечтательно.*) Четвертая стена!.. Вот она, заря нового театра! -- театра, свободного от лжи, комедиантства, от недостойных чистого искусства компромиссов!.. (*Режиссеру.*) Идемте!.. Надо сейчас же набросать план инсценировки применительно к четвертой стене!.. В связи с нею мне пришли в голову такие мысли... такие мысли, что... Камня на камне не оставлю от пашей прежней постановки! -- Это все-таки "Вампука", что там ни говори. (*Пожимает руку и целует помощника режиссера в обе щеки.*) Спасибо!.. Я вам бесконечно обязан...

Помощник режиссера (*робко*). Прибавочки бы к жалованью, если будет на то ваша милость... Пятеро ребятишек... туды-суды, шляпка жене, прачка, трамвай...

Директор. Непременно. Почту за долг. (*Крепко жмет его руку и уходит с режиссером.*)

Помощник режиссера, проводив начальство с подобострастными поклонами до кулис, оборачивается в сторону недоумевающего бутафора и беззвучно хохочет. Из будки вылезает суфлер; он степенно вздевает очки на лоб, вынимает из кармана колбасу, булку, крутые яйца с солью в бумажке и устраивается закусывать за столом Фауста.

Бутафор (*помощнику режиссера*). Чему обрадовался?..

Суфлер (*посмеиваясь одобрительно, помощнику режиссера*). Ну и втянул ты их в аферу!..

Помощник режиссера (*продолжая смеяться*). А ведь они, дурачье, все за чистую монету приняли!..

Суфлер. Да, уж сыграл с ними штучку! Нечего сказать!.. Я чуть не умер на месте со страху: вот, думаю, догадаются.

Помощник режиссера (*все еще смеясь*). Куда им!.. Разве им вдомек!!-- ум за разум зашел! "Вы, говорит, Колумб"... Ха-ха-ха... Колумб!.. (*Подсаживается к суфлеру со своей закуской.*)

Суфлер (*ест с аппетитом*). Да... много идиотов на белом свете, но таких натуральных днем с огнем поискать...

Бутафор. А я вхожу... ничего не знаю... Что такое, думаю, наш Кузьма Иваныч так расхотелся!..

Суфлер (*поправляя*). Колумб Иваныч!.. (*Смеется, похлопывая по плечу помощника режиссера.*)

Бутафор. Вот, думаю, оказия!.. Со стороны подумаешь, что главный режиссер распоряжается. (*Присаживается и чинно вынимает из бумаги бутерброды.*)

Помощник режиссера. А что ж ты думаешь, что я в этом деле не могу быть за главного! Да сколько угодно!.. Самое плевое дело!.. Коли ежели б настоящее искусство, где и фантазия, и красота, и что ни шаг, то творчество это самое,-- ну, на это, пожалуй, нас и не хватит. А чтобы делать все, как в жизни, подражание жульническое, натурализм этот самый,-- да сделайте милость!.. Это каждый дурак сможет!.. Какое же это искусство!..

Суфлер (*жуя*). Ну а коли исторический сюжет?

Помощник режиссера. А на что книжки с картинками?.. Теперь со всякой завалящей археологии фотографии снимают да в книжках печатают!.. За этим дело не станет!.. Знай лишь грамоту.

Бутафор. Прибавку, шельма, выпросил!..

Помощник режиссера. А то как же! Буду я их даром учить!..

Суфлер. Колумб Иваныч, да и только!..

Помощник режиссера (*бутафору, серьезно, взяв подвернувшуюся "чашу с ядом" в руки*). Неужели ты и взаправду здесь стрихнин с синильной кислотой держишь?.. Как бы кто по ошибке... Смотри, брат!

Бутафор. Да что я, спятил, что ли!.. Мне своя шкура дорога. Это настойка для желудка!.. Доктор жене прописал: крепит у нее.

Помощник режиссера (*вынимая у бутафора бутылку из кармана*). Эта самая настойка и есть?..

Бутафор. Осторожней! -- стрихнин!

Помощник режиссера (*откупоривает бутылку и нюхает содержимое*). Хорош стрихнин, нечего сказать!.. Это тоже для настроения?

Все хохочут.

Ну, выпьем с горя!

Чокаются.

Может, и в самом деле наше времечко миновало!.. На нет театр сводят!.. вижу, куда дело клонит!

Пьют.

Суфлер (*напевая*). "Было время золотое"...

Бутафор ему подтягивает, помощник режиссера тихонько плачет.

Рабочий (*входя, после паузы*). Спускать занавес?..

Помощник режиссера. Ишь проснулся!.. Давно уж пора!.. Что мы здесь представление даем, что ли? Видишь, что кончили репетировать, ну и давай занавес!

Рабочий уходит.

Сколько раз говорить!..

Бутафор (*берясь за бутылку и похлопывая по ней*). А может быть, еще прорепетировать!..

Суфлер (*хохочет остроте вместе с помощником режиссера*). Это можно!.. Это другое дело!..

Бутафор наливает всем трясущейся от смеха рукой.

За здоровье нашего Колумба!..

Все пьют и закусывают.

Занавес

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Музыканты оркестра -- все во фраках -- торжественно занимают свои места перед парадно освещенным залом. Некоторое время раздается музыка старательно настраиваемых инструментов, после чего показывается дирижер, который, раскланявшись с публикой и с оркестром, важно садится на свое место и водворяет тишину. Перед занавесом появляется режиссер. Он во фраке, в белых перчатках, безукоризненно выбрит, причесан и преисполнен высокоторжественного настроения.

Режиссер (*раскланявшись с публикой*). Милостивые государыни и милостивые государи! Прежде чем начнется увертюра к бессмертной опере "Фауст", дирекция нашла уместным, более того -- необходимым -- обратить внимание публики на историческую дату сегодняшней премьеры, знаменующую окончательное торжество реализма в сценическом искусстве. Сегодня исполняется как раз 2600 лет со дня основания древнегреческого театра, 715 лет со дня основания западноевропейского театра и 159 лет со дня основания нашего русского отечественного театра. Сложите эти цифры вместе, и вы увидите, что в продолжение 3474 лет лучшие умы театрального мира тщетно пытались открыть, выражаясь образно, "жизненный эликсир" правдоподобия на сцене. Но такова судьба всех замечательных открытий! -- они роковым образом заставляют ждать себя века и века!.. Стоит только вспомнить, сколько времени предшествовало открытию Америки, чтобы понять, что для открытия абсолюта сценического правдоподобия понадобилось немножко более времени. Как бы то ни было, для нас важно одно: срок исканиям исполнился, и уже сегодня, в этот поистине знаменательный день, все болевшие до сих пор за правду в театре получают наконец давножданное исцеление. Сегодняшняя премьеры -- и об этом я пришел известить

вас от имени дирекции, гордый выпавшей на мою долю миссией, -- сегодняшняя премьера, господа, есть полная ликвидация старого условного искусства, насквозь пропитанного ложью! Сегодняшняя премьера -- победное торжество неприкрашенной правды в театре! Сегодняшняя премьера -- величайшее событие во вселенской истории драматического искусства -- событие, о подлинных размерах которого может дать представление разве что сам спектакль, составляющий это событие. Отнеситесь же к нему с тем чувством, какого он по справедливости заслуживает. Но, каков бы ни был ваш суд, дирекция счастлива уже одним сознанием исполненного долга! -- долга предпочесть в конце концов на сцене чарам театрального обмана правду трезвой действительности. (*Уходит.*)

Оркестр играет увертюру к "Фаусту", во время которой первый занавес поднимается, открывая второй, на котором изображена Истина, срывающая перед зеркалом парик и топчущая грудь масок ногами; Истина на этом занавесе представлена пожилой, некрасивой женщиной, лишенной каких бы то ни было прикрас; по обе ее стороны щиты, увитые лаврами, на которых надписи: на первом "Amicus Cato, sed magis arnica Veritas" {Катон -- друг, но правда еще больший друг (латин.)}, а на втором "Хлеб-соль ешь, а правду режь". По окончании увертюры наступает жуткая тишина, среди которой дирижер покидает свое место и поднимается второй занавес.

На сцене, почти у самой рамы, высится пресловутая четвертая стена. Она построена со всем реализмом архитектурного искусства и соблюдением всех данных археологии, относящейся к зодчеству Германии конца средневековья. Сумерки раннего утра. Сцена пуста. В одном из окон, во втором этаже, виден мигающий свет масляной лампы; судя по двум-трем ретортам, глобусу и черепу, заметным на подоконнике, -- это окно кабинета доктора Фауста. Действительно, вон промелькнула его мятежная тень! Вот, наконец, послышался его характерный старческий кашель!.. Словно в ответ на него, где-то далеко-далеко зазвучал колокол ратуши, возвевающий 5 часов утра. Рассвет все больше и больше. Справа слышится пьяная песня цеховых ремесленников на мотив первого хора из "Фауста".

"Die Schäfer putzte sich zum Tanz
Mit bunter Jacke, Band und Kranz,
Schmuck war er angezogen.
Schon um die Linde war es voll
Und alles tanzte schon wie toll".

Справа налево проходит ватага кутивших всю ночь молодчиков, причем один из них подыгрывает горланистому хору на скрипке.

"Es drückte haftig sich heran,
Da stiesz er an ein Mädchen an
Mit seinem Ellenbogen;
Die friche Dirne kehrt'sich um
Und sagte: Nun, das find ich dumm"¹.

¹ "Плясать отправился пастух,

Оделся, разрядился впух,
Цветов в камзол натыкал.
Под липой шла уж кутерьма,
Кружились пары без ума,
Скрипач всюду пиликал".

"Протискиваясь в этот круг,
Столкнулся с девушкой пастух
Румяною и свежей,
И та ему, скользя из рук:
"Пожалуйста, без этих шуток!
Не надо быть невежей!"
("Фауст". Перев. Б. Пастернака. 1953).

Ватага уходит, шатаясь, налево. Фауст высовывает голову из окна, качает ее вслед ушедшей молодежи и, прослезившись от нахлынувших в душу воспоминаний молодости, звучно сморкается. Справа слышно, как метут улицу. Фауст, повернув голову направо, скрывается. В открытом окне 3-его этажа появляется неказистая женская фигура, зевающая во весь рот и почесывающаяся. Слева выбегает оборванец-мальчишка и с недвусмысленным намерением останавливается у стены. В этот момент заметившая его сверху женщина, смекнув что-то, исчезает. Появившийся справа метельщик с криком: "Aber Donnerwetter, willst du Ruten kriegen?" {Черт побери, ты хочешь получить розог? (нем.).} подбегает к мальчишке, замахиваясь на него метлой. Мальчишка, взвизгнув: "Ау!", успевает увернуться от удара, который приходится по стене, а метельщик попадает в беду: женщина сверху обливает его помоями, приготовленными ею для оборванца-мальчишки. Метельщик, отряхиваясь как пудель, подымает голову кверху и орет: "Verfluchte Sau! So muss denn doch die Hexe dran!" {Грязная свинья! Да к тому же и ведьма! (нем.).}, а мальчишка с хохотом убегает налево. Метельщик с криком: "Halt, duimmer lungt" {Стой, глупый мальчишка! (нем.).} -- убегает вслед за мальчишкой. Через сцену проходит несколько типичных немецких горожанок с провизией. Зрительный зал наполняется запахом соленой рыбы, лука и свинины.

Хор пьяниц

(за сценой, слева, на мотив "Цветы к себе красою манят"*)

"Ach wie und wo ich mich vergnüge,
Ach mag es immerhin geschehn,
Ach lasst mich liegen, wo ich liege,
Ach denn ich mag nicht länger stehn"¹.

¹ Ах, где бы и как ни веселиться,
Лишь бы веселиться.
Оставьте меня лежать там, где я лежу,
Потому что я не в силах больше стоять.

Справа появляется Маргарита с Мартой. Обе в затрапезных платьях. Маргарита, босая, держит в руках прялку. Останавливаются как раз перед окном

кабинета Фауста, который, услышав чувственно-грубый смех Маргариты, снова показывается в окне, но на этот раз держа чашу с ядом в руке,

Маргарита (*любуясь прялкой*)

Ach, Gott! mag das meine Mutter sein!

Марта

O, du glückliche Kreatur!

Маргарита

Ach, seh Sie nur! Ach, schau Sie nur!..

Марта

Geht! Ist schon Zeit!..¹

¹ Маргарита. Не матушка ль моя за мной?

Марта. Ах, куколка! Ах, херувим!

Маргарита. Вот ларчик, полюбуйте им!

Марта. Уходите! Уж пора!

Маргарита

(медленно уходя налево вместе с Мартой, напевает, играя прялкой)

"Es war ein König in Thule*,

Gar treu bis an das Grab,

Dem Eterbend seine Buhle

Einen goldenen Becher gab...

Es ging ihm nichts darüber"¹ и. т. д.

¹ "Король шил в Фуле дальней,

И кубок золотой

Хранил он, дар прощальный

Возлюбленной одной.

.....

Когда он пил из кубка..."

("Фауст", Перев. Б. Пастернака. 1953)

Справа слышится музыка ярмарки.

Фауст (*обращаясь к публике*). Не могу больше!.. Господа, вы свидетели!..
(*Осушает чашу яда и, шатаясь, скрывается.*)

За сценой переполох. Слышны голоса: "Что такое?", "Что случилось?", "Вы слышали?", "Дайте занавес", "Подождите", "Где режиссер?", "Доктора!", "Что с

ним?" и т. п. Занавес быстро опускается. Перед занавесом появляется слегка подвыпивший помощник режиссера.

Помощник режиссера (*кланяется публике и откашливается*). Так что, господа, в виду острого помешательства исполнителя роли Фауста продолжение оперы состояться не может... (*Заглядывает в шпаргалку, спрятанную в руке.*) О чем и довожу до сведения почтеннейшей публики. (*Кланяется и уходит.*)

Конец

(1915)

Комментарий

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- "А" -- журнал "Артист"
- АТ -- Александрийский театр
- "Б" -- журнал "Будильник"
- "Бр" -- журнал "Бирюч"
- "БВ" -- газета "Биржевые ведомости"
- "БдЧ" -- журнал "Библиотека для чтения"
- "БТИ" -- "Библиотека Театра и Искусства"
- "ЕИТ" -- "Ежегодник Императорских театров"
- "ЗС" -- "Забытый смех", сборник I и II, 1914--1916
- "И" -- журнал "Искра"
- "ИВ" -- "Исторический вестник"
- "КЗ" -- А. А. Измайлов, "Кривое зеркало"
- "ЛГ" -- "Литературная газета"
- "ЛЕ" -- "Литературный Ералаш" -- отдел журнала "Современник"
- МТ -- Малый театр
- "МТж" -- журнал "Московский телеграф"
- "НВ" -- газета "Новое время"
- "ОЗ" -- журнал "Отечественные записки"
- "ПИ" -- "Поэты "Искры", под редакцией И. Ямпольского, Л., 1955
- "РП" -- журнал "Репертуар и Пантеон"
- "РСП" -- "Русская стихотворная пародия", под ред. А. Морозова, М.-Л., 1960
- "С" -- журнал "Современник"
- "Ср" -- "Сатира 60-х годов", М.-Л., 1932
- "Сат" -- журнал "Сатирикон"
- "Т" -- журнал "Театр"
- "ТиИ" -- журнал "Театр и Искусство"
- "ТН" -- "Театральное наследие", М., 1956
- ЦГАЛИ -- Центральный государственный архив литературы и искусства
- "Э" -- "Эпиграмма и сатира", т. I, М.-Л., 1931

ЧЕТВЕРТАЯ СТЕНА

Буффонада в 2-х частях

Впервые -- в кн.: Н. Н. Евреинов, *Драматические сочинения*, т. III, Пг., "Academia", 1923, стр. 45. Первое представление состоялось в "Кривом зеркале" 22 октября 1915 г. Задача пьесы состоит в пародировании основных принципов сценического реализма МХТ. В самом названии "Четвертая стена" скрыта ирония по адресу К. С. Станиславского. В изложении Ф. Ф. Комиссаржевского, МХТ отличался "стремлением к археологически-историческому детализму, к этнографичности, к житейской натуралистичности и детальности в сценической обстановке и костюмировке, и, наконец, к "четвертой стене", деревьям, стоящим посреди сцены, стульям, повернутым спинками к зрителю, актерам, говорящим спиной к зрителю..." (Ф. Ф. Комиссаржевский, *Творчество актера и теория Станиславского*, Пг., "Свободное искусство" (б/г), стр. 86). Непосредственным объектом пародии является постановка Ф. Ф. Комиссаржевский "Фауста" в сентябре 1912 года в театре К. Незлобина (Москва). По свидетельству современников, в спектакле "Четвертая стена" пародировалась, возможно, также постановка "Фауста" Даницким. Во всяком случае, данная пьеса Евреинова имела и более широкое принципиальное значение -- иронического осмысления попыток обновления сценического стиля оперных постановок в начале XX века.

Как я вчера прочитал у Эккермана... -- Здесь и дальше иронические намеки на "ученость" Ф. Ф. Комиссаржевского, постоянно ссылавшегося в своей статье о "Фаусте" на книгу "Разговоры с Гёте", собранные Эккермаеом. *А так, что Мефистофель у Гёте это тот же Фауст...* -- Ф. Ф. Комиссаржевский писал: "Мефистофель в трагедии Гёте для меня второе "я" Фауста; он -- черт, но черт особый, именно фаустовский... Мне даже хотелось, чтобы на сцене его лицо и фигура напоминали Фауста" (Ф. Ф. Комиссаржевский. *Театральные прелюдии*, М., 1916, стр. 47).

Черт в трагедии Ивана Карамазова... В "Карамазовых" Качалов совмещал в своем лице и черта и Ивана Федоровича. -- В. И. Качалов в роли Ивана Карамазова в спектакле МХТ "Братья Карамазовы" (1910) превратил диалог Ивана Федоровича с чертом в монолог: "Иван говорит и свои слова и те, которые по роману говорит черт. Это было и технически колоссально трудно..." (И. Эфрос. *Московский Художественный театр. 1898--1923*, М.--Пг., Госиздат, 1924, стр. 385). *После 138-ми совместных репетиций* -- намек на изменение во МХТе традиционной репетиционной техники. По словам И. Эфроса, одним из новшеств МХТ являлась "работа все время лихорадочная, но темп ее -- сознательно замедленный". Это вело к "неслыханному, -- по его словам, -- количеству репетиций". Вот цифры: "Царь Федор" -- 74 репетиции, "Антигона" -- 36 и т. д. "Братья Карамазовы" потребовали 190 репетиций (см.: И. Эфрос, *Московский Художественный театр*, стр. 435). *"Все как в жизни"* -- иронический намек на основной принцип театральной теории Станиславского -- "быть как можно ближе к действительности и ее правде и преодолевать сценическую ложь" (см.: И. Эфрос, *Московский Художественный театр*, стр. 147). *Es war ein König im Thule* -- начало баллады Гёте "Фульский король" (1774). Комиссаржевский сообщал: "...первый монолог Маргариты в комнате я разделил двумя первыми куплетами баллады о "Фульском короле", а

остальные куплеты заставил ее спеть после ухода Фауста..." (Ф. Ф. Комиссаржевский, Театральные прелюдии, М., 1916, стр. 58).